

«Это объясняет, почему турки заключили союз с гогуреонами и почему тут появились официальные солдаты Гогуреона! Если король Сосурим замешан в этой операции, то все становится понятным», – Ван Чун нахмурился, выражение его лица постепенно становилось серьезным.

Король Сосурим давно был занозой в могучем теле Великого Тана, они преследовали его уже очень долгое время, но так и не добились успеха. Вчерашнее нападение было не первой его операцией на Центральных равнинах и не последней. Ван Чун знал: в будущем он устроит что-то сокрушительное.

Существование короля Сосурима было огромной угрозой для Великого Тана.

«Я должен найти способ уничтожить его!» – подумал Ван Чун, и в его глазах мелькнуло убийственное намерение.

Король Сосурим был чрезвычайно хитер. В будущем королевский двор устроит ему огромную ловушку, но тому все равно удастся сбежать и вернуться живым в империю Гогуреона.

Его подвиги стали легендарными в империи Гогуреона. С другой стороны, для Великого Тана он был «врагом нации номер один» и находился в списке самых разыскиваемых. Однако король Сосурим оставался всегда дотошным и бдительным. Выследить его местонахождение было практически невозможно... но эта проблема не касалась Ван Чуна.

Нет. Проблема Ван Чуна заключалась в том, что его влияния все еще не хватало. Пока у него не было полной уверенности, он не хотел лишний раз тревожить другую сторону. Иначе, когда король Сосурима поумнеет и поймет, что с ним что-то не так, выследить его станет практически невозможно.

Остаток ночи прошел мирно, если не сказать медленно. После четырех часов неприятных усилий разбросанные по округе обезображенные тела наконец-то были убраны.

Кровь вместе с землей была полностью удалена. Если бы не искореженные строения и обугленные остовы зданий, могло бы показаться, что тут и вовсе ничего не произошло. Только они все еще сохраняли следы того, что всего несколько часов назад произошла напряженная и кровопролитная битва.

Разделившись с Маркизой И и Вэй Хао, Ван Чун один вернулся на Пик Белого Тигра. К

моменту его прибытия уборка здесь уже была закончена, и в округе воцарился покой.

В темноте виднелось несколько костров. Ван Чун смутно различал тихие всхлипывания своих товарищей-новобранцев. Он почувствовал тяжесть на сердце.

«Эти люди никогда не были на поле боя, никогда не видели кровопролития и не сражались насмерть с другими. Все, что произошло сегодня ночью, без сомнения, станет для них незабываемым воспоминанием...» –

Ван Чун погрузился в раздумья. В своей прошлой жизни он побывал на многих полях сражений, и десятки лет боев приучили его к виду крови и смерти, к пьянящему азарту борьбы за свою жизнь. Именно поэтому он смог сохранить самообладание и быстро адаптироваться к внезапному нападению.

Но эти люди были другими.

Он знал, что для них уже было большим прогрессом то, что они собрали воедино свою боевую волю и встретились лицом к лицу с воинами-гогуреонами и турецкими волками.

Встретились и не сломались!

Он сочувствовал, но не сказал ни слова.

Впереди их ожидало еще много подобных трагедий. Единственный способ выжить – приспособиться. Ибо естественный отбор действует как непреложный закон природы. И действует он на всех. Слабые и неприспособленные обречены на вымирание.

Когда Ван Чун вернулся в свою комнату, его встретила знакомая фигура, пытавшаяся вырвать из тела обломок стрелы. Не успел он переступить порог, как в нос ударила сильная вонь кровопролития.

Тело Су Чжэнчэня окрасилось в багровый цвет, словно с него все еще капала свежая кровь. Белый халат, который он носил до этого, в прямом смысле стал кровавым халатом.

«Этот парень!»

Ван Чун вскинул брови и оправился от мгновенного оцепенения. Хотя он и не видел этого лично, он уже мог представить себе сцену огромной битвы, из которой Су Чжэнчэнь вырвался.

«Сколько людей убил этот парень, чтобы его одежда стала такой красной?»

Ван Чун вспомнил, что Су Чжэнчэнь бросился в бой гораздо раньше него. К тому времени, когда он ушел, на пике Белого Тигра уже не было видно ни единого следа противника. Но кровь на одежде Су Чжэнчэнь не могла лгать. Его стиль боя был действительно большой загадкой!

Су Чжэнчэнь бросил быстрый взгляд на Ван Чуна, а затем отвел глаза. Схватив конец обломка стрелы правой рукой, он приложил всю силу и вырвал его из тела. Тут же хлынула свежая кровь. Несмотря на это, выражение лица Су Чжэнчэнь оставалось ровным и невозмутимым. Если не считать легкой бледности лица, можно было подумать, что он вообще не был ранен!

- Вот! Это для тебя. Это поможет тебе в восстановлении! - Ван Чун достал пилюлю восстановления и бросил ее. Однако Су Чжэнчэнь ловко отмахнулся от нее, и пилюля вернулась точно в руку Ван Чуна.

- Мне это не нужно! - холодно произнес Су Чжэнчэнь, ясно выражая свое отношение.

«А он совсем не изменился!» - Ван Чун тихо хихикнул, убрав таблетку, и сел на пол. Он тоже сильно выложился в этой битве, и ему нужно было поскорее восстановить физическое состояние...

- Лорд...

В то время как в столице Шэньвэй, Лонгвэй и Кунву снова обрели покой, во дворе в южной части города внезапно появилась тень. Шло время, и со всех сторон одна за другой собирались все новые и новые черные тени.

Эти люди были хорошо сложены, а их движения поражали быстротой - по скорости они не уступали даже убийце с Восточных островов Миясаке Аяме. Три черные сабли или меча, висевшие у них на поясе, выдавали их личности.

Каждый из них был убийцей из Гогуреона.

Во всем дворе царила тишина и глубокая тень, несмотря на многочисленных обитателей. В ночи раздавался стрекот цикад, которые совершенно не обращали внимания на людей.

В комнате в северной части двора горела единственная свеча, и в тусклом свете был виден искаженный силуэт. Сквозь тонкий лист бумаги, наклеенный на окно, казалось, исходила мощная аура.

Убийцы хранили молчание, как цикады, впавшие в зимнюю спячку, не издавая ни единого звука.

– Миссия провалена. Передайте мой приказ: всем залечь на дно на это время. Не привлекайте внимания королевского двора Великого Тана! – хриплый голос доносился из комнаты. Из-за искажений невозможно было понять, от кого он исходит – от мужчины или от женщины.

– Да! – все стоящие снаружи бесстрастно кивнули.

Три Великих Учебных Лагеря были проектом, которому королевский двор и Мудрец-Император уделяли особое внимание. Раз уж гогуреоны осмелились устроить засаду на новобранцев посреди ночи, то, естественно, они были готовы потерять и свои жизни, исполняя столь масштабную акцию.

Приняв эту ситуацию, они не вызвали никакого удивления или беспокойства.

Но тут хриплый голос отдал еще один приказ:

– Также мне нужно, чтобы вы все собрали для меня информацию о тренировочном лагере Кунву. Мне нужна информация обо всех новобранцах на Пике Белого Тигра.

На этот раз все были застигнуты врасплох. Они не могли понять, почему владыка интересуется незначительным пиком Белого Тигра. Несмотря на это, они не смели сомневаться в приказе повелителя.

– Да, повелитель!

– Разойтись!

Как только прозвучал приказ, все убийцы из Гогуреона исчезли, словно их и не было. С порывом ветра свеча погасла. Весь двор погрузился во тьму.

– Этот пик Белого Тигра... слишком причудлив! Я должен исследовать его! – слабый голос затих в ночи, быстро исчезнув.

Время шло вперед. Вскоре инцидент, связанный с тремя великими тренировочными лагерями, стал достоянием общественности. Едва вошло солнце, а точный механизм, которым был королевский двор Великого Тана, уже заработал на полную мощность.

Бюро военного персонала, Бюро наказаний, Бюро кадров... Члены всех различных бюро начали работать слаженно, и даже Камергер Зависимых территорий был вовлечен в это дело.

На повестке дня королевского двора на сегодня стояли вопросы выплаты компенсаций семьям погибших ночью новобранцев и нанесения ответного удара по Гогуреону и Тюркским каганатам. Просто эти вопросы не были тем, с чем могли соприкоснуться простые граждане.

Сегодняшнему дню не суждено было стать спокойным!

Тренировочный лагерь Кунву, пик Белого Тигра.

Спустя некоторое время Ван Чун наконец-то вышел из состояния невозмутимости. После ночи восстановления он ясно почувствовал, что его Энергия Истока полностью восстановилась, а раны, полученные в битве, в основном зажили.

«Однако, моей силы все еще не хватает! Я должен найти способ повысить свою культивацию!» – вспомнив вчерашний бой, Ван Чун разволновался.

Его стальной меч был достаточно острым, чтобы рассечь даже плавающий волос.

Но, несмотря на это, прошлой ночью, по крайней мере, два раза меч не смог его выручить. Первый раз, когда он столкнулся со стрелой из волчьего клыка лучника-турка. Второй раз – когда его атаку отразила энергия Истока воина-гогуреона.

Это не было виной его меча. Главная проблема заключалась в том, что разрыв в уровне культивации между его врагом и им самим был слишком велик. Закалённой стали было недостаточно, чтобы компенсировать его собственную слабость.

«Я должен найти время, чтобы как следует потренироваться!» – лихорадочно думал Ван Чун.

– Хм? – он оторвался от своих мыслей, когда внезапное странное ощущение прокралось в его сердце.

И тут он ощутил опасность! И не просто опасность. Это было скрытое убийственное намерение!

Если бы не максимальное спокойствие рассвета, он бы точно не обратил на это внимания.

Но больше всего Ван Чуна удивило то, что слабое убийственное намерение исходило от него самого.

«Что происходит?» – он нахмурился в раздумье. Мгновение спустя он просунул руку в карман и

начал шарить там. Вскоре что-то холодное и твердое коснулось кончиков его пальцев.

«Это...» – Ван Чун замер.

Белый камень!

Источником убийственного намерения был белый камень, который дал ему Су Чжэнчэнь.

Удивленный, Ван Чун быстро достал его. В следующее мгновение между пальцами Ван Чуна появился прозрачный белый камень, словно вырезанный из нефрита.

«Что происходит?»

Уставившись на белый камень размером с ноготь, он остолбенел. Играя в шахматы с Су Чжэнчэнем последние несколько месяцев, Ван Чун не мог быть более осведомленным о белых фигурах другой стороны.

Это были обычные камни. При обычных обстоятельствах невозможно было скрыть в них убийственное намерение. Разве что...

В голове Ван Чуна мелькнула мысль. В голове всплыли слова Су Чжэнчэня, сказанные им на прощание: «Судьба приходит и уходит. Этот белый камень – мой подарок тебе. Храни его хорошо. Я надеюсь, что ты сможешь быть таким же, как этот камень, сохраняя свою суть и помня о своей цели независимо от ситуации!»

Ван Чун очень четко помнил, как всё происходило. Су Чжэнчэнь взял с шахматной доски случайный камень и отдал его ему.

Мог ли он ошибиться с самого начала? Когда Су Чжэнчэнь говорил о «подарке», имел ли он глубокий смысл?

Бесчисленные мысли крутились и мелькали в его голове. В море мыслей медленно всплыла догадка, и сердце бешено забилося от волнения.